

Бень Юрий Петрович

старший преподаватель

ГОО «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

г. Тирасполь, Республика Молдова

**АЛЛЮЗИИ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
В РОМАНЕ НИКОЛАЯ НАРОКОВА «НИКУДА»**

Аннотация: в статье рассматриваются аллюзии из произведений Л. Андреева в романе «Никуда» Н. Нарокова – одного из самых значительных прозаиков 2-й волны литературы русского зарубежья. Это касается таких произведений крупнейшего русского писателя начала 20-го века, как пьеса «Дни нашей жизни», повести «Жизнь Василия Фивейского», рассказа «Стена».

Ключевые слова: Л. Андреев, роман, Н. Нароков, Никуда.

В романе Нарокова ясно обозначено фабульное время – 1910–1913 годы. Это пик популярности Леонида Андреева. В 1913 году выходит в свет его собрание сочинений в шести томах фантастическим, по тем временам, да и по нашим тоже, тиражом 225 тысяч экземпляров. К этому времени библиография по творчеству писателя насчитывает более 4 тысяч источников.

Поэтому не случайно в Литературном обществе (в 7 главе) главный герой романа «Никуда» Николай Борисович Дербышин читает доклад о пьесе «Дни нашей жизни» – содержание не знаем, но доклад вызывает одобрение. Пьеса написана в 1908 году. Сам Андреев не очень ее ценил. Но она с большим успехом шла в столице и провинции. По пьесе даже сделали экранизацию в 1914 году. Известный писатель-знаемец Скиталец (Степан Гаврилович Петров) отмечал, что она показалась удивительно близка их поколению. Конфликт пьесы – идеальные представления и реальность жизни. Студент Глуховцев, влюбленный в Оль-Оль, так он называет героиню, потрясен, узнав, что она держанка, что в семнадцать лет уже родила и потеряла ребенка. Дело не в ее порочности, а в том, что им с матерью просто не на что жить. Финал пьесы от-

крытый. Похоже, что герой все-таки простит своей возлюбленной крушение идеала.

Это первая прямая аллюзия. Дербышин (говорящая фамилия от фарси дервиш – он вдовец, 46 лет, ведет достаточно чисто плотный образ жизни), но происходит встреча с Ниной Павловной, которая замужем. Адюльтер угнетает и его, и ее. Они мучительно ищут выход. Измена мужа, кажется, им дает шанс быть вместе, быть счастливыми, но развестись в Российской империи было практически невозможно. Требовалось не просто заявить о прелюбодеянии в консисторию, но и представить двух непосредственных свидетелей этого прелюбодеяния. Здесь уместно вспомнить (в этом отношении законы во Франции и России были похожими), как все это умело провернул Дюруа – герой романа Ги де Мопассана «Милый друг». Все это выглядит скандально и пошло. Влюбленные решают уехать за границу. Но и здесь возникают затруднения. Русская женщина должна была предоставить для этого паспорт своего мужа. Ловкий адвокат предлагает его выкрасть на время, тогда все вопросы будут решены. Но влюбленных очень смущает грязь, присутствующая в этом случае. Дербышин тянет с решением. Он занят общественными делами, собирается баллотироваться в Государственную Думу. А Нина пытается понять, куда же ведет их совместная дорога. В первой главе ключевое слово «дорога» используется семнадцать раз.

Вторая аллюзия связана с сюжетной линией Елизаветы Петровны и ее дочерью уродкой Таней. Утонул муж, и ей кажется, что такая дочь – это расплата за ее безумную любовь, ее искупление. Дербышин пытается помочь, отправить за границу больную девушку, но Таня умирает. Это явно отсылает нас к повести Андреева «Жизнь Василия Фивеейского». После смерти попадьи отец Василий произносит, обращаясь к Господу «Нет, нет! – заговорил поп громко и испуганно – Нет! Нет! Я верю. Ты прав. Я верю!» [1, с. 327]. Он думает об избранности Богом и даже пытается воскресить Мосягина. Елизавета Петровна просто безропотно несет свой крест без всяких самокопаний. Нина не знает, делает она это ради Бога или ради себя. Ничего о религиозных взглядах Нарокова нам не-

известно (слишком закрытая фигура). Умирает, практически безумным, отец Василий. Умирает Таня, после 20 лет мучений окружающих. В любом случае искупительная жертва оказывается напрасной.

Последняя 9 глава имеет показательное название «Стена». Интересно, что все остальные главы имеют более развернутое название, связанное, так или иначе, с их сюжетным движением. В этой последней главе (по Ю. Лотману финал – это сюжетно-мифологическая функция) присутствует вставная новелла о сапожнике Голованове, который рассказывает герою о своей жизни. 30 лет он не замечал бранмаура (противопожарная стена – искусственное сооружение). Не замечал, как он отдаляется от своей жены, ведь ему хватало сил только на то, чтобы в их отдельной уютной комнатенке упасть на постель и заснуть. И только после ее смерти он внезапно замечает, что перед ним стена, которую он в силу привычки, согбенный за сапожными латками, не видел. Голованов говорит: «30 лет от стены *никуда* (выделено мной – Ю.Б.) не уходил, потому, а как только увидел, так сейчас же ушел» [3, с. 23]. Живет он у родственников в деревне. Не случайно встреча Дербышина и Голованова происходит в лесу (лес – это естественное пространство). Голованов говорит, что лес не только от него ничего не скрывает, а как будто что-то новое открывает.

Рассказ Андреева «Стена», абсолютно импрессионистического характера, где речь идет то ли о лепрозории, то ли о каком-то приюте призрания, появился в 1901 г. и вызвал очень большой интерес. Появились многочисленные обращения молодежи к писателю истолковать его. Андреев отвечал так: «Стена – это все то, что стоит на пути к новой совершенной и счастливой жизни. Это, как у нас в России и почти везде на Западе, политический и социальный гнет; это несовершенство человеческой природы с ее болезнями, животными инстинктами, злобой, жадностью и пр.; это – вопросы о смысле бытия, о Боге, о жизни и смерти – «проклятые вопросы» [1, с. 609].

Таким образом, аллюзии из Андреева в романе Нарокова можно рассматривать как часть тематической проблемы (выражение М. Бахтина), которая тем самым обогащается. Которая, по сути своей, сводится к известным словам Ива-

на Карамазова в разговоре с братом Алексеем: «Я тебе должен сделать одно признание, – начал Иван: – я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних» [2, с. 278]. В немногочисленных исследованиях о Нарокове влияние Достоевского на его творчество, пусть эскизно, но намечено. В частности, об этом пишет крупнейший исследователь второй волны литературы русского зарубежья В.В. Агеносов. Дербышин вспоминает то остолбенение, которое настигло его во время чтения доклада о пьесе Андреева, о своей вине перед Ниной, когда получил телеграмму о ее болезни, но ради доклада отложил отъезд и повторяет про себя: «Стена...Стена... Стена...» [3,с.25]. Путь ради отвлеченного человеческого блага, даже ради самых высоких общественных устремлений оказался путем в *Никуда* (см. название романа), дорога уперлась в *Стену*. Дербышин (редкий положительный герой в русской литературе оказывается жертвой абстрактного гуманизма), он упустил собственное счастье и счастье любящей его женщины.

Поэтому, не обозначенный в тексте, но в ясном в смысловом контексте, эпилоге (через полгода после смерти Нины) Дербышин возится с внуком. Именно в маленьком Мите он видит смысл дальнейшей жизни дальше. Герой понимает, что близкие и есть истинная ценность, и цель жизни. Отсюда странное размещение посвящения жене вне корпуса романа, не в начале произведения, как принято, а в самом финале романа: «Этот роман я посвящаю моей жене, как знак благодарности за ее любовь ко мне и за ее жизнь со мною» [3, с. 31].

Список литературы

1. Андреев Л. Жизнь Василия Фивейского. Собр. Соч.: В 6 т. Т. 1 / Л. Андреев. – М.: Худ. литература, 1994.
2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Собр. Соч.: В 12 т. Т. 11 / Ф. М. Достоевский. – М.: Правда, 1994.
3. Нароков Н.В. Никуда / Н.В. Нароков // Возрождение. Париж. – №118.